

Фантастическая повесть в русской литературе 1820—1840-х годов:

морфология, идеология, сюжет

Первый вопрос, который возникает в связи с предполагаемой темой моей диссертации – это вопрос о том, можно ли рассматривать русскую фантастическую повесть как самостоятельный жанр. Свое аутентичное существование категория жанра обретает в поэзии, которая знала период строгой жанровой нормативности. В поэтиках и словарях XVIII–XIX вв. содержатся подробные указания к написанию оды, идиллии, эклоги, элегии и др. Классификации родов и видов прозы представлены же, как правило, не в поэтиках, а в трактатах о риторике. Лежащее в их основе представление о прагматике текста приводит к тому, что специфическими признаками прозаических жанров объявляются не имманентные свойства произведений, а предмет описания и/ или коммуникативная функция. Повести и романы часто помещаются в общий ряд с некрологами, анекдотами, летописями, историей. Мало напоминают отчетливо осознаваемую упорядоченность в эту эпоху и авторские жанровые определения – такие, как роман, повесть, быль, предание, рассказ, сказание и др. При обращении к ним открывается слишком разнообразная и пестрая картина их употребления.

Исследовательская традиция между тем выработала вполне устоявшуюся классификацию прозаических жанров прозы первой трети XIX века. Два «господствующих», по выражению Белинского, рода – роман и повесть – подвергаются в историко-литературных работах разветвленной классификации, основными принципами которой выступают литературное направление и содержание, или тема.

Именно этому тематическому делению обязан своим появлением термин «фантастическая повесть». С незначительными разногласиями в подробностях большинство исследователей (Ц. Годоров, Пьер-Жорж Кастекс, Луи Вакс, Роже Кайуа, Н. В. Измайлов, Ю. В. Манн, В. М. Маркович) сходятся в формулировке ее главенствующего признака: фантастическая повесть описывает «вторжение» сверхъестественного «в неизменную закономерность повседневности».

Среди произведений 1820–1840-х годов, относимых литературоведами к этому жанру, наименование «фантастическая повесть» встречается лишь единожды – в качестве жанрового подзаголовка к произведению К. С. Аксакова «Облако» (1836). Однако в данном случае слово «фантастическая», по-видимому, обязано своим появлением воздвигнутому романтиками культу фантазии и не содержит того смысла, в каком используется современной исследовательской традицией. Другие жанровые подзаголовки интересующих нас текстов повторяют общий путь прозы этого времени – они разнородны

и зачастую акцентируют отнюдь не системный, а индивидуальный характер («рыцарская повесть» – «Замок Найгаузен» Бестужева-Марлинского) или же характер игровой («из малороссийских былей и небылиц» – «Купалов вечер» Сомова).

Таким образом, нельзя не признать, что категория фантастической повести представляет собой исследовательский конструкт. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько адекватно представление о той традиции, которая становится различимой благодаря введению этого термина?

Ответ на него может быть найден только на пути наблюдения за живой исторической связью текстов. В отечественном литературоведении этот путь открыт такими исследователями, как Ю. В. Манн, Н. В. Измайлов, В. М. Маркович, В. Э. Вацуро, В. И. Коровин, И. В. Семибратова, Ф. З. Канунова и др., однако работы названных авторов в отдельности предполагают сознательное ограничение интересующей нас проблемы. Акцент на творчестве одного автора, смежном жанре, задача типологического, а не последовательного описания явления не мешают созданию общего представления о развитии фантастических повествований в 1820–1840-х годы. Авторитет единой схемы, между тем, заставляет упускать из виду не только частности, но и целые этапы предполагаемой традиции. Так, например, разработанность повествовательных стратегий, свойственная фантастической повести 1830-х годов, зачастую ретроспективно переносится на 1820-е – время раннего становления жанра. Между тем этот период является наименее изученным, начиная с самого материала: некоторые повести 1820-х годов не описаны, анонимные – не атрибутированы, не учтен факт преобладания переводной фантастической литературы над оригинальными произведениями. При этом даже частичное знакомство с материалом не позволяет согласиться с общепризнанным тезисом о разработанности повествовательных стратегий, изначально присущей жанру.

Представляется, что существующая исследовательская схема должна быть проверена и детализирована с учетом малоизученного раннего материала, причем не только с точки зрения сюжетно-тематической. С этой целью вводятся основные параметры описания: морфология, идеология, сюжет. Если фантастическая повесть действительно оформилась в ходе своего становления в самостоятельный жанр, относящиеся к нему произведения должны обладать общностью сюжетных и морфологических особенностей, общностью мотивов и композиционных приемов, а также общим идейным комплексом. Анализ процесса формирования этого единства должен составить и главную трудность, и главный интерес исследования. Важнейшей методологической и содержательной опорой для него будет служить указатель сюжетов предпушкинской прозы, составленный Татьяной Александровной Китаниной, а также

каталог сюжетов русских повестей 1825–1850-х годов, созданный научно-учебной группой «Русская повесть».

Необходимость исторического изучения фантастической повести возникает еще и потому, что «тема» в данном случае оказывается значительно шире предмета описания. «Чудесное» в литературе первой трети XIX века – не только излюбленный объект изображения, но и эстетическая категория, задолго до фантастической повести знакомая читателям по жанрам баллады и готического романа. При сравнении с ними «чудесное» в повестях обнаруживает свою специфику: обязательными условиями возникновения «потустороннего» являются правдоподобие мотивировки и подчеркнуто бытовая обстановка. При таких обстоятельствах герой и читатель оказываются никак не подготовленными к мистическому событию, и встреча с ирреальным обнаруживает лауну в привычном знании о мире. Таким образом, сюжетная специфика фантастической повести обнаруживает некий философский потенциал. Точнее, однако, будет говорить не о «философском», но «идейном» или «идеологическом» уровне, так как настоящей философской разработки означенная проблематика в произведениях, конечно, не находит.

Как авторы фантастических повествований отвечали на сюжетно мотивированную необходимость восстановления картины мира? Какие нарративные стратегии, а вместе с ними жанровые типы возникали в истории фантастической повести? Имелась ли у их авторов взаимосвязанная система идей? Как следовала за ними критическая мысль эпохи и как, с другой стороны, откликались на нее авторы повестей? На эти вопросы и призвана ответить моя будущая работа.